

X 50
6

— 002 —

И Р В У Т С В І Я

3 ЮЛЯ

1871 ГОДА.

ЕЖЕНЕДЪЛЬНОЕ

ИЗДАНИЕ.

№

27.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ: Указы Св. Синода. Архіерейское служеніе.

Указы Св. Синода.

О порядкѣ представленія въ Духовныя Консисторіи членами причта метрическихъ и другихъ книгъ и выдачи священнослужителямъ наградъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 12-го Марта 1871 года за № 3117, объ измѣненіи существующаго въ нѣкоторыхъ епархіяхъ порядка полученія изъ Духовныхъ Консисторій и представленія въ оныя церковными причтами метрическихъ и другихъ документальныхъ книгъ, а также выдачи духовнымъ лицамъ пожалованныхъ имъ наградъ. Приказали: По дошедшимъ до Синодальнаго Оберъ-Прокурора свѣдѣ-

ніямъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ требуется, чтобы метрическія и обыскныя книги, исповѣдныя росписи и приходорасходныя книги представляемы были въ Консistorіи лично чрезъ одного изъ членовъ причта, точно также для полученія новыхъ тетрадей для метрическихъ и другихъ книгъ непременно вызываються члены причтовъ, а иногда и для объясненій по замѣчаніямъ Консistorій на сіи книги; сверхъ сего существуетъ также въ нѣкоторыхъ епархіяхъ обычай вызывать въ епархіальные города Священнослужителей для врученія имъ Всемилостивѣйше пожалованныхъ наградъ. Признавая сохраненіе такого рода обычаевъ стѣснительнымъ для городского и сельскаго духовества, Господинъ Оберъ-Прокуроръ полагалъ бы необходимымъ поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ объявить по епархіямъ, что метрическія и обыскныя книги, исповѣдныя росписи и приходорасходныя книги могутъ быть доставляемы причтами въ Консistorіи по почтѣ или чрезъ Благочинныхъ, безъ всякаго обязательства являться для сего лично въ Консistorію, и сдѣлать распоряженіе, чтобы Духовныя Консistorіи, въ случаѣ замѣченныхъ, при ревизіи помянутыхъ книгъ, какихъ либо упущеній или недостатковъ, требовали отъ причтовъ письменныя объясненія непосредственно или чрезъ Благочинныхъ; чтобы тетради для веденія метрическихъ и другихъ книгъ высылаемы были изъ Консistorій непосредственно причтамъ, смотря по удобству, или чрезъ Благочинныхъ и непременно заблаговременно и чтобы наконецъ высылаемые изъ Святѣйшаго Синода Всемилостивѣйше жалуемые Священнослужителямъ знаки отличій отсылались удостоеннымъ по почтѣ, безъ вызововъ ихъ въ епархіальные города для личнаго врученія имъ пожалованныхъ наградъ. Признавая и съ своей стороны обременительнымъ для Священнослужителей и вообще неудобнымъ сошествующій въ нѣкото-

рыхъ епархіяхъ обычай личнаго представленія въ Духовныя Консисторіи членами причта метрическихъ и другихъ документальныхъ церковныхъ книгъ и личнаго же полученія изъ Консисторій новыхъ книгъ, а также и обычай вызова въ епархіальные города Священнослужителей для врученія имъ Всемилоостивѣйше пожалованныхъ наградъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписатьъ епархіальнымъ Преосвященнымъ сдѣлать распоряженіе, если только такое не сдѣлано уже прежде сего по непосредственному усмотренію Преосвященныхъ; чтобы по ввѣреннымъ имъ епархіямъ вышеизложенные стѣснительные для городского, а тѣмъ болѣе для сельскаго духовенства, обычаи, были немедленно отмѣнены и чтобы въ этомъ отношеніи во всѣхъ вообще епархіяхъ нынѣ же былъ установленъ тотъ порядокъ, который указанъ для сего въ настоящемъ предложеніи Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора; о чемъ и дать знать Преосвященнымъ циркулярно печатными указами, Апрѣля 14 дня 1871 года. —

По вопросу о томъ, какимъ содержаніемъ должны пользоваться священноцерковнослужители, состоящіе на эпитиміи или же подъ слѣдствіемъ и судомъ, и исправляющіе ихъ должности.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали дѣло по предложенію Господина Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 13 Ноября 1870 г., по возбужденному Преосвященнымъ Саратовскимъ вопросу: какимъ содержаніемъ должны пользоваться священноцерковнослужители, находящіеся на эпитиміи въ монастырѣ или же подъ слѣдствіемъ и судомъ, и исправляющіе ихъ должности? Приказали: Въ разрѣшеніе возбужденнаго Преосвященнымъ Саратовскимъ вопроса Святѣйшій Синодъ, на основаніи примѣчанія къ пункту 5, статьи 187 Уст. Дух. Консист. и состоявшихся въ разное время отдѣльныхъ постановленій Синода, опредѣляетъ: 1) священноцерковнослужителямъ, состоящимъ на эпитиміи въ монастырѣ или Архіерейскомъ домѣ, выдавать

все штатное жалованье и половину доходовъ, а остальную половину доходовъ выдѣлять исправляющимъ должности за состоящихъ на эпитиміи, и 2) священноцерковнослужителямъ, временно устранившимъ отъ мѣстъ, по случаю состоянія ихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, выдавать половинную часть изъ доходовъ и изъ штатнаго жалованья, и если они по суду будутъ оправданы, то выдавать имъ и остальную половину жалованья, а исправляющимъ за подсудимыхъ должности выдѣлять половинную часть церковныхъ доходовъ. Объ этомъ, для единообразнаго исполненія и руководства по Духовному Вѣдомству, дать знать циркулярно печатными указами веѣмъ епархіальнымъ Преосвященнымъ, а также главнымъ Священникамъ Гвардіи и Гренадеръ и Арміи и Флотовъ. Марта 31 дня 1870 года.

Въ журналѣ на 27 Мая 1871 г. ст. 10. Приказали: 1.) Подлинный указъ принять къ руководству и приобщить къ таковымъ же; копію съ него хранить въ столѣ съ руководственными бумагами, 2.) Указъ сей отпечатать въ Иркут. Еп. Вѣд. къ руководству по епархіи.

Резолюція Его Высокопреосвященства: „*Исполнить.*“ 3 Юня 1871 года.

Архіерейское служеніе.

29-го Юня, Его Высокопреосвященство совершалъ Литургію въ Каѳ. Соборѣ, причемъ предъ началомъ Литургіи возложены были Высочайш. награды: на Ректора Семинаріи-орденъ св. Анны съ Императорск. короною и на Смотрителя Ирк. Училища-наперсный крестъ.

ПОПРАВКИ.

Въ списокѣ участниковъ Братства взаимнаго вспоможенія, напечатанномъ въ № 11 Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, пропущенъ Батуриискій священникъ Александръ Спасскій, внесшій 22 Мая 1870 г. 12 руб. — Въ 22 № Еп. Вѣд. на стран. 230, 9-й строкъ снизу, напечатано: Іерей Константинъ Стуковъ, слѣдуетъ: „Іерей Константинъ Сотниковъ“.

Отъ Редакціи. Редакція покорнѣйше проситъ священниковъ, которые получили лишнія №№ 1-й 2-й Епарх. Вѣд. за 1871 г. возвратить Редакціи.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ

3 ЮЛЯ № 27. 1871 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ: Иркутская духовная миссія въ 1870 году. (Продолженіе).

Иркутская духовная миссія въ 1870 году.

При словѣ о тяжелыхъ испытаніяхъ, съ которыми соединено миссіонерское служеніе, нельзя не вспомнить безъ особеннаго успокоенія духа:—какъ благопотребно монашеское званіе, съ его строгими обѣтами самоотверженія, для прохожденія миссіонерскихъ обязанностей! Много ли найдется семейныхъ Ювовъ, которые, съ бодростію духа, могутъ сказать: *Господь далъ, Господь и взялъ: буди имя Господне благословенно во вѣки.* А монахъ даль торжественный обѣтъ не собирать себѣ сокровища на землѣ и благодать Божія, сочетаваемая съ этимъ обѣтомъ, даетъ силу возноситься выше земнаго. Что если бы миссіонеру семейному за 200 верстъ оставившему жену и дѣтей и имущество, принесли вѣсть, что жилище его сгорѣло, имущество и продовольствіе обратилось въ пепель, что жена его и дѣти не имѣютъ, гдѣ

подклонить главу? Могъ ли бы миссіонеръ супругъ и отецъ вынести бодро такое испытаніе? И вынесъ ли бы? А монахъ—миссіонеръ вспомнилъ съ вѣрою о своемъ обѣтѣ—не прилѣпляться ни къ чему тлѣнному; и предался своему дѣлу, какъ будто не было никакого несчастія

Въ Окинскомъ караулѣ, мѣстѣ скорбной вѣсти о пожарѣ, Господь какъ бы нарочито утѣшалъ миссіонера, давъ ему благодать, болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, пріобрѣсти для неба очищенныя крещеніемъ души и сопричислить нѣсколько инородцевъ къ наслѣдію царствія небеснаго.

На обратномъ пути миссіонеръ вездѣ останавливался по улусамъ и по юртамъ для совершенія таинства исповѣди и причащенія. Чтобы во дни св. четыредесятиницы и приготовленія къ тайнамъ Христовымъ дать инородцамъ возможность соблюсти постъ, миссіонеръ вынужденъ былъ съ нѣкоторыми изъ нихъ раздѣлять свою дорожную провизію.

На обратной переправѣ чрезъ Саянскій хребетъ и ночлегѣ въ горахъ миссіонеръ претерпѣлъ такую стужу съ мятелю, что спасеніе своей жизни онъ относилъ единственно къ покровительствующему о немъ промыслу, въ особенности, когда всѣ признаки дороги занесены были мятелю; и миссіонеру привелось руководствоваться въ направленіи пути четырьмя странами свѣта безъ компаса.

Послѣ такого труднаго путешествія іеромонахъ Никаноръ, ровно чрезъ мѣсяць, 10 Марта, возвратился въ свою, разобщенную отъ жилищъ человѣческихъ, Нилову пустынь, на уготованное ему испытующимъ, всеблагимъ, отеческимъ промысломъ пенелище. Миссіонеръ

помѣстился въ спасенномъ отъ пожара домѣ, сдѣлавшемся, послѣ бывшаго въ минувшіе годы наводненія, не пригоднымъ для зимняго жительства.

Утруженный отъ пути и изнуренный отъ холода миссіонеръ собрался было подкрѣпить себя кирпичнымъ чаемъ, но не оказалось посуды, въ которой можно было бы сварить чай. Миссіонеръ взялъ дорожныхъ сухарей, единственное пропитаніе, оставшееся ему послѣ пожара, хотѣлъ размочить ихъ въ водѣ, и тѣмъ утолить свой голодь, но не оказалось ни ковшна, ни чашечки, чтобы почерпнуть воды: все сгорѣло.

Тогда немощъ человѣческая взяла верхъ надъ бодростію духа, миссіонеръ, вмѣсто воды, оросилъ сухари своими, слезами, и тѣмъ подкрѣпилъ свои изнуренныя силы.

Но благодареніе испытующему и утѣшающему промыслу! Миссіонеръ во время своего путешествія просвѣтилъ св. крещеніемъ 38 человѣкъ.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ я посѣтилъ труженика евангелія въ отдаленномъ краѣ, и на мѣстѣ сгорѣвшаго дома нашелъ груды кирпича, угольевъ, песку и золы. Миссіонеръ самъ не имѣлъ ни времени, ни орудій къ раскопкѣ пепелища; нанять рабочихъ не было средствъ; а потому не было испытано: не осталось ли, по крайней мѣрѣ, подъ неиломъ желѣза или мѣди отъ посуды, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать какое употребленіе для миссіи.

Строитель Ниловой пустыни, Архіепископъ Ярославскій Нилъ, узнавши о несчастіи, постигшемъ любимую имъ пустынь, поспѣшилъ послать чрезъ почту переводный билетъ въ 200 рублей, чтобы полученные по билету изъ Иркутскаго отдѣленія государственнаго бан-

ка деньги употребить на устройство жилища миссіонеру. Но и здѣсь встрѣтилось свое испытаніе: переводный билетъ затерянъ почтою и деньги доселѣ остаются не полученными изъ банка.

Послѣ трудностей и скорбей, которыя испытаны были іеромонахомъ Никаноромъ, во время его миссіонерскаго путешествія по отдаленнымъ улусамъ, иной миссіонеръ чрезъ годы не собрался бы повторить подобное путешествіе, какъ и на самомъ дѣлѣ, при прежнихъ миссіонерахъ, пограничные улусы, чрезъ многіе годы не были посѣщаемы съ проповѣдію спасенія. Но апостольская ревность труженика евангелія неуслышана предпринять, въ томъ же году, и второе миссіонерское путешествіе по отдаленнымъ улусамъ.

На этотъ разъ іеромонахъ Никаноръ взялъ къ себѣ въ сопутники сотрудника миссіонера, окончившаго курсъ семинаріи Александра Вахрушева (нынѣ іеромонаха Алексѣя).

Лѣтній путь лежалъ по другимъ мѣстностямъ; и особенностями этаго пути были горы, овраги, болота, обрывы, топи, грязи, крутыя по тропинкамъ подъемы и спуски и постоянно встрѣчающіеся броды чрезъ малыя и большія горныя рѣчки быстрыя, съ каменистымъ, неудобнымъ для переправы дномъ.

20 Іюля, въ день св. пророка Божія Іліи, миссіонеры, совершивши божественную Литургію и напутствовавъ себя молебномъ, отправились въ дальній путь.

Какъ ни благопріятствовала путешественникамъ хорошая въ то время погода, но не доѣзжая Мондинскаго караула, миссіонеры, по случаю великой грязи, топей и бродовъ, вынуждены были, съ наступленіемъ

ночи, остановиться и ночевать на берегу р. Иркута.

Въ Мондинскомъ караулѣ миссіонеры были приняты радушно; проповѣдь ихъ о спасеніи принята сердцемъ, и они во время пребыванія своего въ Мондахъ пріобрѣли чрезъ крещеніе нѣсколько чадъ Христовой Церкви.

При отъѣздѣ изъ улуса много инородцевъ отправились провожать миссіонеровъ далеко за улусъ о Дабана (высокой горы). Хотя къ Дабану прибыли рано, но изъ опасенія встрѣтить опасности среди горъ, и по не имѣнію въ горахъ воды, сдѣланъ общій совѣтъ, и по этому совѣту положено расположиться на ночлегъ у подошвы Дабана около р. Бѣлаго Иркута.

На другой день, по совершеніи утреннихъ молитвъ, путешественники отправились на гору и поднимались около 45 минутъ. За тѣмъ спускъ съ горы сначала довольно удобный; но потомъ до того крутой, что и привычныя къ горамъ лошади едва держались на ногахъ; за тѣмъ опять подъемъ весьма крутой на Нухунъ Дабанъ, еще выше, такъ что на вершинѣ его не росъ лѣсъ. На этой горѣ, съ незапамятныхъ временъ, стоитъ часовня, нынѣ ветхая и подпертая колыями, во имя Святителя Николая. Здѣсь миссіонеры, въ присутствіи сопровождавшихъ инородцевъ отслужили молебень Святителю, — первый, сколько помнятъ инородцы, на ихъ вѣку.

Протившись съ инородцами и взявши изъ числа ихъ одного проводника, миссіонеры стали подниматься еще на высочайшую гору, совершенно обнаженную отъ всякой растительности, — на голецъ. Подъемъ былъ такъ крутъ и высокъ, что безъ привычки овладѣвалъ невольный страхъ. Съ вершины этой горы р. Иркутъ представлялась узкою лентою, а воды совершенно не было замѣтно.

Когда миссіонеры, переваливъ чрезъ хребетъ, начали спускаться въ падъ; то сталъ накрапывать дождь, который вскорѣ за тѣмъ замѣнился снѣгомъ. Это было 24 Юля. Чѣмъ глубже миссіонеры проникали въ гольцы, тѣмъ сильнѣе валилъ снѣгъ. Наступила дорога или тропинка крайне неудобная: камни, грязь, болота, тундры. Холодъ сдѣлался до того сильный, что мало согрѣвала зимняя одежда—даха. Искали гдѣ бы развести огонь и обогрѣться, но нигдѣ не находили ни одного полена дровъ; вездѣ было голо.

Проѣхавъ Иркутское озеро, миссіонеры едва добрались до лѣсу и здѣсь остановившись, разложили огонь, чтобы обогрѣться отъ стужи проникавшей до костей. Въ дальнѣйшемъ пути къ Окинскому озеру и за озеромъ встрѣтились такія болотистыя мѣста, что верховыя лошади погружались въ грязи, и едва собирались съ силами вылезать изъ грязи. Между тѣмъ снѣгъ усиливался и началъ валить съ вѣтромъ. Была настоящая зима.

Наконецъ добрались до пади, называемой Ишунты, среди которой, въ зимнее свое путешествіе, миссіонеръ іеромонахъ Никаноръ имѣлъ свой ночлегъ на снѣговомъ ложѣ; и здѣсь остановились, чтобы накормить лошадей.

Не прекращавшійся снѣгъ сталъ наводить уныніе на путниковъ; казалось, что они совершенно простились съ лѣтомъ; но только что путники выбрались изъ пади, предъ ними открылось ясное небо, засіяло солнце, до того времени не видное изъ за облаковъ и снѣга; открылся какъ будто другой свѣтъ; и измокшая одежда миссіонеровъ успѣли просохнуть прежде, нежели они успѣли добраться до Гаргинскаго улуса. Между тѣмъ дорожныя тропинки продолжались тянуться по болотистымъ мѣстамъ и по страшнымъ грязямъ.

Прибывши въ улусъ, миссіонеры остановились въ юртѣ старшины. Ночью выпалъ снѣгъ и лежалъ до 11 часовъ.

Старшина былъ некрещенный. На утро миссіонеръ іеромонахъ Никаноръ, пригласивши старшину, и просилъ его послушать евангеліе, изъ котораго прочитавъ довольно, и объяснивши прочитанное, началъ убѣждать своего хозяина попенцись о спасеніи души своей и принять св. крещеніе. Но старшина, почесавъ голову свою, и ни слова не сказавши, вышелъ изъ юрты готовить лошадей. Собравшись путешествовать по юртамъ для просвѣщенія инородцевъ Христовою вѣрою и крещеніемъ, миссіонеръ предложилъ старшинѣ, что ему какъ старшему въ улусѣ, слѣдовало бы показать примѣръ другимъ въ принятіи крещенія; но старшина отвѣчалъ: вѣра ваша и у насъ считается первою, но креститься я не буду. Убѣжденіе въ умѣ можетъ совершиться человѣкомъ; это убѣжденіе въ превосходствѣ христіанской вѣры предъ языческою вмѣстилось, по убѣжденію миссіонера, и въ головѣ старшины; но убѣжденіе не вѣра, и можетъ легко отвергаться волею, и отвергнута. Вѣра же отъ Бога—даръ Божій, и всаждается въ сердца единымъ Богомъ; но не было призванія отъ Бога; по неисповѣдимымъ путямъ Божиимъ удержанъ даръ вѣры, и старшина при убѣжденіи своемъ въ превосходствѣ христіанской вѣры предъ языческою остался послѣдователемъ худшей вѣры языческой. Такъ вѣрно слово Спасителя: никто не придетъ ко Мнѣ, кого Отецъ Мой не *привлечетъ* ко Мнѣ (*).

Обѣзжая юрты широко растянутаго улуса по эту и другую сторону р. Оки, миссіонеръ не оставилъ ни одного жилища человѣческаго, чтобы не огласить его словомъ спасенія; и на призывъ миссіонера обрѣтались вѣрующія души, которыя принимали святое крещеніе. Преподавъ новокрещеннымъ благословеніе и заповѣдавъ имъ памятовать преподанное имъ слово спасенія, миссіонеръ, съ своимъ спутникомъ, отправился въ слѣдующій Окинскій улусъ.

Окинскій улусъ отъ Гаргинскаго начинается чрезъ

(*) Иоанн. VI. 44.

60 верстѣ, далеко, одна отъ другой, отстоящими юртами, и тянется на 60 верстѣ до Окинскаго караула и на столько же, далѣе Окинскаго караула. Множество юртѣ разсѣяно по сторонамъ при разныхъ рѣчкахъ. Такой разбросанности юртѣ нѣтъ во всей миссіи, а потому не мало потребно было времени и труда, чтобы посѣтить всѣ эти разбросанныя юрты.

Дорога или тропинки и до Окинскаго караула продолжались гористыя, каменистыя и болотистыя только на горѣ Хара—Гужирь—Дабанъ было сухо; на эту гору путники поднимались цѣлый часъ. Остановливаясь на пути въ юртахъ, миссіонеръ иногда разсказывалъ житія Святыхъ: что очень нравилось инородцамъ. Къ утѣшенію миссіонеровъ проповѣди слова Божія не противились нигдѣ; и изъ числа слушавшихъ нѣсколько душъ приняли христіанскую вѣру и св. крещеніе.

Въ Окинскомъ караулѣ была особенно радушная встрѣча миссіонеровъ. Можно сказать, что эту встрѣчу сдѣлала миссіонерамъ вся знать Окинской области; тутъ были казаки, инородцы со всѣми своими тремя старшинами, и даже самъ лама, вопреки впрочемъ, положенію о ламствѣ проживающій вдаль отъ своего дацана. Была переписка объ удаленіи этаго ламы, вреднаго и развращающаго новокрещенныхъ, изъ Окинскаго караула; но лама оказался могущественнѣе законной переписки, и пребываетъ доселѣ въ Окинскомъ улусѣ, въ довольствѣ и богатствѣ на счетъ инородцевъ крещенныхъ и некрещенныхъ, для которыхъ онъ построилъ особую молельню, но такую, которая, по вынесеніи изъ нея принадлежностей ламства, не различается отъ жилой комнаты. Въ слѣдствіе такой пре-

досторожности, хотя миссіонеры были въ моленной ламы, но нашли ее простою комнатою. Судя по крайней трудности проѣзда въ улусы, находящіяся за хребтами и у насъ уже нѣсколько годовъ составляетъ предположеніе о назначеніи въ это отдаленное мѣсто особаго миссіонера; но предположеніе наше и остается пока предположеніемъ, за неимѣніемъ средствъ. Желали бы остановиться на предположеніи болѣе удобоисполнимомъ: — построить для Гаргинскаго и Окинскаго улусовъ молитвенныя дома, въ которыхъ можно было бы постановлять походный иконостасъ и отправлять богослуженіе во время посѣщенія этихъ улусовъ миссіонеромъ: предпріятіе особенной важности для новокрещенныхъ, которые, во всю жизнь свою, не имѣли утѣшенія видѣть совершенія божественной Литургіи и другихъ христіанскихъ церковныхъ богослуженій, но и для выполненія этого спасительнаго предпріятія ожидаютъ средства.

При посѣщеніи улусовъ, миссіонеры прежде всего стараются узнать, не было ли, въ отсутствіе ихъ, родившихся или умершихъ. На вопросъ іеромонаха Никанора объ умершихъ, ему указали юрту, гдѣ въ Апрѣлѣ мѣсяцъ скончался отецъ семейства. Миссіонеръ отправился въ улусъ умершаго, чтобы совершить погребеніе по умершемъ и посмотрѣть есть ли на могилѣ его крестъ. Но миссіонеру указали на устроенное нарочито возвышеніе, и на этомъ возвышеніи миссіонеръ увидѣлъ гробъ, въ которомъ положенъ умершій. Миссіонеръ не понималъ, что это за погребеніе; но ему объяснили, что покойникъ до принятія крещенія былъ шаманъ; какъ шаману, ему и оказана такая почестъ.

Подозрѣвая, не скрыто ли въ гробѣ умершаго какихъ принадлежностей шаманства, миссіонеръ велѣлъ снять крышу гроба; ничего ни оказалось; и на шеѣ покойника висѣлъ крестъ. Пользуясь этимъ случаемъ миссіонеръ объяснилъ женѣ и предстоящимъ значеніе погребенія, указалъ на надежды наши въ загробной жизни и на воскресеніе будущее; а между тѣмъ велѣлъ вырыть могилу. Совершивъ погребеніе миссіонеръ при себѣ указалъ поставить крестъ на могилѣ умершаго и далъ внушеніе прочимъ, чтобы и они такимъ же образомъ погребали умершихъ.

Послѣдующія за тѣмъ занятія миссіонера состояли въ объѣздахъ по юртамъ, разсѣяннымъ по обширному пространству Окинскаго улуса, и не безъ успѣха. Число вѣрующихъ и принимающихъ крещеніе умножалось по немногу. Въ такихъ же занятіяхъ миссіонеры проводили и на обратномъ пути въ Нилову пустынь, куда они и прибыли 12 Августа; и воздавъ благодареніе Господу, даровавшему имъ благодать пріобрѣсти 23д., вѣрующихъ и принявшихъ крещеніе; успокоились за тѣмъ отъ миссіонерскаго странствованія.

Въ продолженіе 1870 года іеромонахомъ Никаноромъ просвѣщено св. крещеніемъ 61 душа.

Въ Тункинскомъ вѣдомствѣ число крещенныхъ душъ перешло за половину всего народонаселенія; большинство самыхъ некрещенныхъ свыкло съ тѣмъ убѣжденіемъ, что вѣра христіанская есть вѣра лучшая и святая; самые даже ламы, послѣ того какъ имъ указано было въ 1868 году штатное ихъ число — пять, вмѣсто прежнихъ пятидесяти, хотя сильно коварствуютъ противъ миссіи, но весьма скрыто и осторожно. Но не

смотря на то въ Тункинскомъ вѣдомствѣ, по временамъ прорываются такія рѣзкія преслѣдованія за желаніе принять крещеніе, какихъ не встрѣчается въ другихъ вѣдомствахъ.

Въ проѣздъ свой по Елатовскому улусу, миссіонеръ іеромонахъ Алексѣй, окрестивши въ юртѣ крещеннаго инородца Мулоева, двухлѣтнее дитя его, въ присутствіи Мулоева, убѣдилъ родную его сестру Упхунъ, 18 лѣтнюю дѣвицу, принять св. крещеніе, и крестилъ ее 8 Декабря. Не прошло недѣли, какъ новокрещенная является къ миссіонеру въ слезахъ и просить его защиты отъ преслѣдованій за принятое ея крещеніе.

Отъ кого защититъ? Спросилъ миссіонеръ.

Отъ роднаго брата, отвѣтствовала новокрещенная. Онъ мнѣ ни одного дня не даетъ покоя, съ тѣхъ поръ какъ я приняла крещеніе; и наноситъ мнѣ ежедневно не выносимыя побои.

Миссіонеръ не повѣрилъ; потому что братъ новокрещенной никогда не показывалъ признака въ нерасположеніи къ христіанству; и, какъ самъ крещенный, представилъ миссіонеру свое дитя для крещенія, вмѣстѣ съ сестрою.

При первой возможности миссіонеръ іеромонахъ Алексѣй отправился въ улусъ къ брату новокрещенной; и, къ удивленію своему, удостовѣрился, что слезы новокрещенной текли не даромъ.

Что же такое заставило крещеннаго брата наносить побои родной сестрѣ за принятіе крещенія? Заставилъ обычай, существующій между инородцами, крайне вредный для благосостоянія семейнаго — калымъ, въ силу котораго женщина роднымъ отнемъ и братомъ

продается за деньги, и за нѣсколько головъ скота жениху, для сочетанія съ нимъ бракомъ; и, какъ вымѣненная за нѣсколько головъ скота, сама низводится на степень скота, продаваемого на рынкѣ.

У Мулова было три сестры, и одна изъ нихъ средняя съ трехлѣтняго возраста, силою обычая—калыма, промѣнена за некрещеннаго жениха. Старая сестра устроилась замужествомъ безъ препятствій. За тѣмъ и просватанная съ трехлѣтняго возраста сестра преклонила предъ силою благодатнаго слова спасенія, приняла св. крещеніе, и тѣмъ поставивъ преграду къ сочетанію бракомъ съ некрещенымъ своимъ женихомъ, вышла въ замужество за крещенаго. Братъ, который былъ старшимъ въ семействѣ, поставлялся въ необходимость поплатиться калымомъ жениху, оставшемуся безъ невѣсты, но у него оставалась надежда на сестру младшую: замѣномъ этой сестры братъ и надѣялся избавиться отъ платежа 30 руб. деньгами и 10 головъ скота, слѣдующихъ въ возвратъ за калымъ, весьма обременительный по его состоянію. И чтоже? Упхунъ, не высказывавшая до того времени желанія своего принять крещеніе, высказала полную готовность сдѣлаться христіанкою, въ присутствіи миссіонера. Братъ, какъ самъ крещенный, не могъ возражать сестрѣ при миссіонерѣ. Упхунъ приняла святое крещеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ рушились и послѣднія надежды брата избавиться отъ возврата калыма.

И вотъ, когда, на другой день, братъ увидѣлъ, что крещенную свою сестру нельзя теперь промѣнять за 10 головъ скота жениху некрещенному, но что вмѣсто сестры, ему приводится отвести некрещенному жениху

десять головъ скота; то терпѣніе брата потерялось и онъ разразился на сестрѣ побоями; и затѣмъ, при каждомъ воспоминаніи о деньгахъ и о скотѣ, которыми нужно расплатиться съ некрещеннымъ женихомъ, удары сыпались на крещенную сестру, такъ что избитая и не видѣвшая конца побоямъ, рѣшилась бѣжать къ миссіонеру и просить его о защитѣ. Заступленіе за невинную сдѣлано, но что будетъ въ послѣдствіи, не извѣстно.

Въ настоящее время у насъ сильно возбужденъ вопросъ о женщинѣ, — о ея воспитаніи, правахъ, занятіяхъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы поставить женщину на поприще того высокаго призванія, которое самимъ Богомъ указано женщинѣ. Можно ли, и изъ нашей отдаленной страны, входящей въ составъ обширнаго нашего, благословеннаго отечества, напоянуть занимающимся важнымъ вопросомъ о женщинахъ, — что у насъ есть сотни тысячъ женщинъ, и множество изъ нихъ христіанокъ, которыя не только лишены возможности простираться желаніями къ высотѣ правъ женщины, какъ супруги, но лишены и правъ человѣческихъ; и, можно сказать безъ преувеличенія, продолжаютъ существовать и доселѣ на правахъ скотовъ: ибо этихъ женщинъ мѣняютъ на головы скотовъ, и скотовъ на женщинъ; и при этой мѣнѣ не хотятъ рѣшительно принять во вниманіе ни способности мышленія, которую Господь одарилъ всякую женщину, ни свободы ея, ни чувства сердечнаго, ни счастья семейной жизни, и изъ за чего? Изъ — за обычая калыма, который слѣбался такою святынею, что объ немъ, при всей нелѣпости его, и при крайнемъ вредѣ, какъ для семейной жизни, такъ

и для общественной, не думаютъ возбуждать вопроса, изъ уваженія къ обычаю. Уваженіе великое; но есть ли въ этомъ уваженіи къ нелѣпому обычаю уваженіе къ челоѣчеству, тѣмъ паче къ христіанству?

А у инородцевъ безъ разбору и христіанскія и не христіанскія невѣсты мѣняются на головы скотовъ, и обратно.

Какой священный союзъ — союзъ брачный и внѣ христіанства! Самъ Господь содѣлалъ его неразрывнѣе самаго союза между родителями и дѣтьми, когда, при сочетаніи первой, въ челоѣческомъ родѣ, супружеской четы указалъ оставлять отца и мать и прилѣпляться къ женѣ (*). Въ христіанствѣ сочетаніе брачнымъ союзомъ мужа и жены совершается во образъ таинственнаго союза Христа съ Церковію (**). Не возмутительно ли для чувства челоѣческаго, тѣмъ паче христіанскаго, когда дѣло такого священнаго сочетанія посрамляется, въ лицѣ одной половины сочетавающихся, низведеніемъ ея, при самомъ этомъ сочетаніи, на степень скота, мѣною ея, съ нарушеніемъ правъ мысли, чувства и свободы, на головы скотовъ? Ибо довольно того, что женщина въ младенчествѣ продана за нѣсколько головъ скота; и она, въ совершенномъ возрастѣ, должна отказаться отъ всѣхъ правъ мысли, свободы и сердечнаго чувства, и идти сочетать свою жизнь до гроба съ челоѣкомъ, не рѣдко ей ненавистнымъ.

И до какого возмутительнаго злоупотребленія доходить иногда этотъ варварскій обычай — калымъ? Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ рассказывали объ одномъ инородцѣ, который не затруднился запродасть, посредствомъ

(*) Быт. II, 24. (**) Ефес. V, 32.

калыма, дочь свою въ колыбели за такое лице, которое носилось еще во чревѣ матери. Началась немедли уплата калыма со стороны отца еще не рожденнаго дитяти; и уплачено порядочно. На конецъ послѣдовало благополучное (а могло быть и не благополучное), разрѣшеніе отъ бремени ожидаемымъ женихомъ. И что же оказалось? Родилась своя невѣста, а не женихъ. И началась тяжба. И этихъ тяжбъ, во имя непрекосновенности обычая—калыма, такое множество у инородцевъ, что едва ли не болѣе тяжбъ по всѣмъ дѣламъ совокупно. Конечно рассказанный случай могутъ назвать смѣшнымъ; но какое множество другихъ случаевъ, гдѣ проливаются горькія слезы невинныхъ отъ деспотизма обычая, считаемаго не прикосновеннымъ!

На женщину—мать смотреть, и справедливо, какъ на лице съ необыкновеннымъ вліяніемъ на судьбы государства. Чего дождется наше отечество отъ сотней тысячъ матерей, униженныхъ до состоянія скота и мнѣяемыхъ за головы скотовъ?

И въ нашемъ краѣ стали заводиться, между инородцами, училища дѣвиць, гдѣ безъ сомнѣнія внушатся дѣвицамъ истинныя человѣческія и христіанскія понятія о женщинѣ, какъ супруги, какъ матери. Но что, если съ такими понятіями дѣвица уже закалымлена съ дѣтства за нѣсколько головъ скота? Легко ли будетъ этой образованной дѣвицѣ когда, во имя непрекосновенности обычая—калыма, и ее поведутъ къ жениху какъ скотъ, не уважая ни ея свободы, ни мысли, ни сердечнаго чувства, на томъ одномъ основаніи, что за нее уплаченъ полный калымъ?

Въ настоящее царствованіе получили свободу миллі-

оны нашихъ соотечественниковъ и сравнены въ правахъ съ прочими. Какое было бы благодѣяніе, если бы и наши инородческія женщины, закабаленныя деспотизмомъ калыма въ худшее изъ состояній рабства, извѣдены были въ свободу!

Распространеніе христіанства между инородцами встрѣчаетъ у насъ постоянныя препятствія. Но можно сказать, что однимъ изъ несокрушимыхъ препятствій служитъ калымъ. И неужели калымъ такая неприкосновенная святыня, что объ немъ нельзя возбудить вопроса при обсужденіи объ образованіи инородцевъ и о лучшемъ устройствѣ ихъ быта, застарѣлаго въ безпорядкахъ.

По поводу крайнихъ безпорядковъ, возникающихъ между инородцами въ слѣдствіе калыма, въ Забайкальской области возбужденъ былъ вопросъ объ организаціи калыма, введеніемъ записей, при брачныхъ сочетаніяхъ инородцевъ. Не пора ли возбудить вопросъ объ искорененіи между инородцами обычая калыма, гибельнаго для семейнаго счастья и вредно за тѣмъ дѣйствующаго на благосостояніе общественное. Благоразумнѣйшіе изъ инородцевъ, въ особенности въ вѣдомствахъ Идинскомъ, и Балаганскомъ, давно ищутъ, — какъ избавиться отъ этаго варварскаго обычая; такъ что вопросъ объ этомъ былъ возбуждаемъ на суглунахъ. Ожидаютъ поддержки отъ Начальства правительственнаго.

Но довольно о калымѣ; возвратимся къ начатому нами, по поводу калыма, слову о преслѣдованіи христіанства. (Продолженіе будетъ).

Редакторъ, *Ректоръ Иркутской Семинаріи,*
Архимандритъ Модестъ.

Дозволено цензурою. Иркутскъ Іюля 3 дня 1871 года.
Печатано въ Типографіи Окружнаго Штаба.